

УБЕЙ МЕНЯ НА ПЯТЫЙ ДЕНЬ

18+

Карина Луна

Убей меня на пятый день

«Автор»

2026

Луна К.

Убей меня на пятый день / К. Луна — «Автор», 2026

Ева всего лишь пошла на свидание. К концу вечера её кавалер попытался её сожрать, незнакомец с мачете снёс ему голову, а на плече остался укус, который стал для неё смертным приговором. Верон знает правила охоты. Укушенные обращаются через пять дней. И он никогда не оставляет их в живых. Но Ева почему-то оказывается в его доме, прикованная наручниками к кровати. Она отчаянно пытается сбежать, дерзит и обещает однажды перерезать ему горло. А Верон с каждым днём всё сильнее хочет узнать, каково это — целовать этот дерзкий рот. И всё меньше способен терпеть чужие взгляды на своей пленнице. Через пять дней он должен её убить. Вот только Ева ещё не знает, что охотник, решивший оставить добычу себе, может оказаться гораздо опаснее того, кто собирался её убить.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Карина Луна

Убей меня на пятый день

ДИСКЛЕЙМЕР

Дорогие читатели!

Прежде чем вы откроете эту историю, я хочу вас предупредить.

Перед вами dark romance с элементами городского фэнтези и хоррора. Здесь чудовища скрываются под человеческими лицами, а спаситель вполне способен оказаться опаснее того, от кого вас спас.

В этом романе вас ждут жестокость, одержимость, болезненное влечение и отношения, в которых грань между желанием защитить и стремлением обладать становится пугающе тонкой.

В книге присутствуют:

- откровенные сцены интимного характера между совершеннолетними персонажами;
- убийства, кровь, жестокое насилие, каннибализм и сцены, способные вызвать отвращение или страх;
- похищение, незаконное удержание, физическое принуждение и угрозы убийством;
- преследование, собственничество, ревность, психологическое давление и манипуляции;
- сексуализированные угрозы, панические атаки и травмирующие события.

Герои этой истории далеки от идеала, а их поступки порой переходят все мыслимые границы. Прошу помнить, что изображённые отношения и поведение персонажей являются частью художественного вымысла и не служат примером здоровых отношений в реальной жизни.

Если перечисленные темы для вас чувствительны, пожалуйста, отнеситесь к чтению с осторожностью.

Возрастное ограничение: 18+

И напоследок...

Не каждый охотник собирается убить свою добычу.

Некоторые предпочитают оставлять её себе.

Глава 1

За десять минут до конца рабочего дня Ева испортила стрелку на правом веке.

Телефон завибрировал на краю раковины как раз в тот момент, когда она подвела кисточку к ресницам. Ева выругалась, поймала его прежде, чем он соскользнул на кафель, и прочитала сообщение:

«Я уже здесь. Не торопись».

Конечно. Теперь она непременно перестанет торопиться.

В зеркале над раковиной отражалась девушка с одной аккуратно подведённой стрелкой и второй, требовавшей немедленного вмешательства. Тёмно-красные волосы, утром собранные заколкой, после целого дня успели примяться у корней. Ева распустила их, провела пальцами по пробору и наклонилась к зеркалу. На светлой коже под глазом остался серый след.

Можно было умыться, вернуться к столу, забрать сумку и выйти такой, какой она выглядела весь день. Вместо этого Ева намочила уголок бумажного полотенца. Ей хотелось ему понравиться — до такой степени, что становилось неловко перед самой собой.

Они виделись всего три раза: сначала в кофейне, где он уступил ей последний свободный столик, потом там же через неделю и ещё однажды возле её работы. Третья встреча уже была договорённой. Сегодня они впервые собирались провести вместе целый вечер.

За это время Ева успела узнать, что Эдриан терпеть не мог голосовые сообщения длиннее минуты, умел готовить что-то помимо яичницы и выбирал фильмы по режиссёру, а не по количеству взрывов в трейлере. Последнее она пока считала недостатком.

Он ей нравился: его спокойствие, улыбка, умение слушать без показного усердия. Когда она рассказывала что-нибудь смешное, он смеялся там, где действительно было смешно, и однажды вспомнил подробность разговора, о которой она сама успела забыть. После мужчин, способных три недели подряд спрашивать только «как дела?» и «что делаешь?», это производило впечатление.

Ева поправила макияж, сняла с запястья резинку и убрала её в сумку. Из-под расстёгнутой кожаной куртки виднелся чёрный топ. Утром вырез казался нормальным. Теперь она потянула ткань вверх, посмотрела на себя и вернула на место. Хватит.

Телефон снова завибрировал:

«Если сбежала через другой выход, хотя бы скажи, где тут можно поесть».

Ева улыбнулась и набрала на ходу:

«Поздно. Уже иду. Поесть придётся со мной».

Эдриан ждал возле ступеней — высокий, в тёмно-синем пальто, с коротко подстриженными каштановыми волосами. На переносице — узкие очки в металлической оправе, которых на прошлой встрече не было. Они неожиданно ему шли, делали его чуть серьёзнее, хотя улыбнулся он совершенно по-прежнему.

— Привет.

Он наклонился и поцеловал её в щёку. Ева почувствовала холод его губ и запах древесного парфюма, негромкий, различимый только вблизи.

— Давно ждёшь?

— Достаточно, чтобы познакомиться с вашим охранником. Он предложил зайти внутрь. Я сказал, что подожду тебя здесь. Теперь, кажется, подозревает меня в чём-то.

— Он всех подозревает.

— Даже тебя?

— Меня особенно. Я однажды вынесла домой офисную кружку.

Эдриан рассмеялся, забрал у неё сумку, прежде чем она успела возразить, и спросил:

— Есть хочешь?

— Очень.

— Тогда у нас сорок минут до сеанса и серьёзная задача.

Ева пошла рядом с ним, пряча озябшие пальцы в рукава куртки. Пока всё было хорошо. Даже непривычно хорошо: он пришёл вовремя, не стал оценивать её вслух и не пытался немедленно обнять за талию, как будто покупка двух билетов давала на это право. Она позволила себе перестать искать подвох.

В маленьком кафе напротив кинотеатра было тесно. Им достался столик у окна, возле которого Еве пришлось протискиваться боком, прижав сумку к животу. Эдриан помог отодвинуть стул и сел напротив. Он заказал кофе, она — сэндвич и чай.

— Ты же собирался есть, — напомнила Ева.

— Пока ждал, передумал.

— Прекрасно. Теперь будешь смотреть, как ем я.

— Постараюсь вести себя прилично.

Он вёл себя прилично. Рассказывал о соседях, затеявших ремонт в семь утра, о сломанном лифте, из-за которого пришлось тащить покупки на девятый этаж. Она жаловалась на таблицу, которую переделывала весь день, потому что трое взрослых людей никак не могли договориться, что именно хотят в ней увидеть.

От этой обыкновенности становилось легче. Ева перестала следить за тем, как сидит, и доела сэндвич, хотя сначала собиралась оставить половину. Когда они вышли из кафе, Эдриан осторожно взял её за руку, и она ответила на пожатие.

Мужчину у входа в зал Ева заметила из-за того, как на него посмотрела девушка, проверявшая билеты. Та подняла голову, задержалась взглядом на его лице и только потом потянулась к сканеру. Ева невольно посмотрела тоже.

Он стоял чуть в стороне от очереди, держа телефон в большой руке без перчатки. Длинные тёмные волосы падали на воротник чёрной куртки; несколько прядей он убрал за ухо, открыв резко очерченную скулу. Прямой нос, тяжёлые брови, гладко выбритая челюсть — красивое лицо, которое трудно было представить приветливым.

На нём не было ничего особенно необычного, но рядом с яркими афишами и людьми, прижимавшими к груди картонные вёдра попкорна, он выглядел человеком, пришедшим по неприятному делу. Ева задержалась на нём взглядом на секунду дольше допустимого, и мужчина поднял глаза.

Светлые. Издалека она не смогла определить цвет, зато совершенно ясно поняла, что её заметили, и отвернулась к Эдриану.

— Что?

— Ничего. Где наши места?

Он показал билеты. Уже на лестнице между рядами она оглянулась: мужчина вошёл вслед за ними, прошёл выше и сел у прохода. Один.

Ева подумала, что он совсем не похож на человека, которому интересен этот фильм, и тут же мысленно одёрнула себя. Что за глупость. Красивым хмурым мужчинам тоже разрешалось ходить в кино. Особенно без неё.

Она села, сняла куртку и положила на колени. Эдриан устроился справа. Когда погас свет, его рука легла на общий подлокотник ладонью вверх. Ева улыбнулась в темноте и вложила в неё свою.

В середине фильма он наклонился к её уху, чтобы что-то сказать. Она повернулась раньше, чем он успел заговорить, и они оказались совсем близко. Ева перестала слышать реплику с экрана, заметив, как Эдриан посмотрел на её рот.

Поцелуй вышел коротким и осторожным. Когда он отстранился, Ева несколько секунд смотрела на экран, не понимая, кто из героев сейчас говорит и почему в зале смеются. Ей было хорошо. Она даже пожалела, что выбрала кино: можно было весь вечер разговаривать, сидеть где-нибудь рядом, касаться коленями под столом. Вместо этого приходилось делать вид, что её всё ещё занимал сюжет.

Эдриан большим пальцем погладил внутреннюю сторону её запястья. Сначала это было приятно. Потом он остановился на одном месте, чуть усилив нажим, и Ева повернула голову. Он смотрел на её руку.

— Что там?

— Ничего.

Он отпустил запястье и переплёл пальцы с её пальцами. На экране сменился кадр. В резком белом свете его лицо показалось ей усталым, а губы — непривычно плотно сжатыми.

— Тебе не нравится? — шепнула она, кивнув на экран.

Эдриан посмотрел на неё и улыбнулся.

— Нравится.

После сеанса Ева первой заговорила о концовке. Ей хотелось выяснить, поняла ли она вообще последние двадцать минут, но Эдриан слушал рассеянно. Он дважды оглянулся, пока они спускались по эскалатору, а возле выхода задержался перед стеклянными дверями.

— Ты кого-то ищешь?

— Показалось, знакомый.

— Нашёл?

— Нет.

На улице стало холоднее. Ева застегнула куртку, убрала волосы из-под воротника и потянулась за телефоном, чтобы вызвать такси.

— Давай провожу, — предложил Эдриан. — Ты говорила, недалеко живёшь.

Минут двадцать пешком. Обычно после работы ей хотелось только добраться домой и снять обувь. Сейчас она посмотрела на него и убрала телефон.

— Давай.

Первую половину дороги они разговаривали. Потом Эдриан стал отвечать короче. Его ладонь нагрелась, пальцы сжимали её руку крепче, чем в кино, и Ева пыталась понять, что изменилось.

Возможно, дело было в поцелуе. Может быть, он решил, что теперь она пригласит его к себе, а она уже успела дважды сказать, что завтра рано вставать. Ей не хотелось заканчивать

вечер неловкостью, но приглашать мужчину домой из страха его разочаровать она тоже не собиралась.

На следующем перекрёстке она высвободила руку под предлогом поправить ремень сумки.

— Мне здесь направо.

— Знаю.

Она посмотрела на него.

— Ты говорил, что в этом районе почти не бываешь.

— По карте посмотрел.

Ничего странного: Ева сама смотрела карту перед тем, как куда-нибудь идти. Однако руку ему больше не дала.

Впереди светилась вывеска круглосуточной аптеки. У остановки курили двое парней, а женщина с маленькой собакой пыталась уговорить её отойти от дерева. Ева заметила всё это с внезапной отчётливостью.

Ей стало стыдно за собственную настороженность. Эдриан мог устать, у него мог разболеться желудок, могло произойти что угодно. Человек не обязан весь вечер быть обаятельным только потому, что ей понравилось с ним целоваться.

— У тебя всё нормально?

Он остановился.

— Да. Извини.

Улыбнулся почти так же, как возле её работы, и Ева выдохнула. Эдриан коснулся её щеки, убирая прядь волос.

— Иди сюда.

Она решила, что он хочет её поцеловать, поэтому позволила притянуть себя ближе и не сразу упёрлась ногами, когда он шагнул в сторону узкого прохода между домами.

— Подожди, — сказала она, ещё улыбаясь. — Нам туда не...

Он дёрнул её так резко, что ремень сумки соскользнул с плеча. Ева ударилась спиной о кирпичную стену. Воздух вышел из лёгких, а ладонь Эдриана легла ей на рот прежде, чем она смогла вдохнуть снова.

Несколько секунд она пыталась примирить его лицо с тем, что он делал. Ещё недавно они сидели в кофейне, он смеялся над дурацкой шуткой про кружку, а теперь зажимал ей рот и придавливал к стене.

— Тихо, — произнёс он.

Ева вцепилась в его запястье. Он прижимал её всем телом, слишком сильно для человека, который собирался остановиться, услышав возражение. Она попыталась отвернуть голову, но он только сильнее вдавил пальцы в щеку.

Сумка упала к ногам. Телефон был внутри, и Ева никак не могла до него дотянуться. Нужно было закричать раньше, там, у тротуара. Нужно было...

Она ударила его коленом. Эдриан коротко выдохнул и согнулся ровно настолько, чтобы она смогла оттолкнуть его плечом. Ева успела сделать шаг к выходу, увидела свет аптеки на другой стороне улицы, прежде чем его рука сомкнулась на её волосах.

Боль обожгла кожу головы. Еву отбросило назад; она схватилась за его пальцы, пытаясь ослабить хватку, и закричала. Он ударил её о стену плечом.

— Заткнись.

Очки съехали ему на кончик носа. Эдриан сорвал их и бросил куда-то в сторону. На верхней губе выступила кровь: кажется, Ева всё-таки задела его, когда вырывалась. Он слизнул её, и Ева увидела зубы.

Сначала решила, что ошиблась из-за света. Верхняя губа приподнялась, обнажив узкие острые края, которых прежде не было. Челюсть двигалась странно, с мелкой дрожью, как у человека, пытающегося разжевать что-то слишком твёрдое. Ева перестала тянуть его за руку.

Эдриан склонился к её шее. Она рванула воротник вверх, пытаясь закрыться, и почувствовала его рот у самого уха.

— Ты так...

— Убери от неё руки.

Голос прозвучал со стороны улицы. Эдриан замер. Его хватка ослабла на мгновение, и Ева снова попыталась вывернуться, но он перехватил её поперёк груди и развернул перед собой.

В проходе стоял мужчина из кинотеатра. Теперь Ева видела, насколько он большой: он почти закрывал собой выход. Чёрная куртка была расстёгнута, в правой руке он держал длинный широкий клинок. Мачете — она узнала оружие с нелепым запозданием, как будто название имело значение.

— Помогите, — выговорила она.

Мужчина посмотрел ей в лицо, затем на руку, сжимавшую её грудь.

— Я сказал, отпусти.

За её спиной изменилось дыхание Эдриана.

— Верон?

Он произнёс имя негромко, почти недоверчиво. Ева почувствовала, как его предплечье напряглось у неё под ключицами. Теперь он смотрел только на мужчину с оружием.

— Ты из-за тех двоих? — спросил Эдриан. — Я могу объяснить.

Верон шагнул вперёд, и Эдриан попятился вместе с Евой. Под подошвой хрустнули его очки.

— Стоять.

К её горлу прижались пальцы. Ева боялась сглотнуть. Смотрела на светлые глаза незнакомца и пыталась понять, что ей делать, когда он приблизится. Упасть? Оттолкнуться? Он видел, как Эдриан её держит. Должен был видеть. Пожалуйста, пусть знает, что делает.

— Она здесь ни при чём, — сказал Эдриан. — Дай мне уйти, и забирай. — Отпусти её. — Сначала дай слово. Верон перехватил рукоять мачете. — Ты меня знаешь. Какое тебе ещё слово?

В голосе Верона ничего не изменилось. Ева не могла понять, согласился он или только что пригрозил. Эдриан, кажется, понял.

— Подожди.

Он снова отступил. Дальше был закрытый металлическими воротами двор. Ева пыталась удержаться на ногах: он тащил её, не давая развернуться, и боль в плече становилась сильнее с каждым движением.

Верон убрал свободную руку под куртку.

— Не надо! — выкрикнул Эдриан.

Его ладонь сдавила Еве горло. Верон остановился, и Эдриан вдруг коротко засмеялся ей в ухо.

— Вот как.

Еве стало холодно под расстёгнутой курткой.

— С каких пор тебе есть дело до людей?

— Последний раз предупреждаю.

— Ты же обычно вместе с ними...

Верон двинулся. Ева увидела только, как он оказался ближе, и почувствовала рывок за куртку. Успела поднять левую руку, защищая лицо, когда Эдриан вцепился ей в предплечье зубами.

Она закричала. Боль была такой внезапной, что ноги подогнулись. Верон схватил Эдриана за горло и оторвал от неё. Ева упала на колени, ударившись ладонью об асфальт. За спиной раздался глухой удар, потом ещё один, но она не обернулась.

На рукаве проступала кровь. Ева зажала руку выше запястья и поползла к сумке. Ей нужен был телефон. Кто-нибудь должен был приехать, забрать её отсюда, сказать, что делать с рукой, а пальцы не попадали в бегунок молнии.

Позади стихло.

— Дай посмотреть.

Она подняла голову. Верон стоял рядом, на скуле у него была тонкая красная полоса. С мачете капало на асфальт. Ева отодвинулась, и он, заметив её взгляд, опустил оружие и присел перед ней.

— Руку.

— Мне... мне надо в больницу.

— Сначала покажи.

Она позволила ему взять себя за запястье. Его пальцы были тёплыми и сухими. Ева почему-то сосредоточилась на этом, пока он осторожно оттягивал порванный рукав. От боли затоснило.

Верон посмотрел на рану, затем внимательно посмотрел ей в лицо.

— Давно вы знакомы?

— Что?

— С ним.

Она посмотрела мимо его плеча. Эдриан лежал у ворот. Одну ногу подвернуло под тело, голова была повернута к стене. Ева видела воротник его пальто и белый манжет рубашки — тот самый, который он поправлял за столиком в кафе.

— Не смотри туда.

Она опять перевела взгляд на Верона.

— Вы его убили?

Он отпустил её руку. Ева ждала ответа, хотя уже знала.

Её трясло. Нужно было позвонить, сейчас же. Она опустила здоровую руку в сумку и нащупала телефон, но Верон перехватил её запястье.

— Пока не надо.

— Я скорую...

— Я вижу.

Она попыталась вырвать руку. Он не отпустил, и Ева подняла глаза. Вблизи его радужки оказались серо-голубыми, со светлым ободком вокруг зрачка. На красивом лице не было ни растерянности, ни облегчения после того, что случилось. Он смотрел на неё так, словно ещё не закончил.

Ева вспомнила, что Эдриан говорил перед укусом: «Ты же обычно вместе с ними...» У неё пересохло во рту.

— Отпустите.

Верон забрал телефон.

Крови было достаточно. Верон видел глубину раны, видел, как тварь сомкнула зубы, прежде чем он успел свернуть ей шею. Никаких сомнений, ради которых можно было бы тянуть время, не осталось.

Он разжал пальцы девушки и положил телефон обратно в сумку. Она следила за его руками. Теперь следила, хотя минуту назад просила о помощи, позволяла трогать рану. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы она начала бояться его сильнее мёртвого денибала.

Верон выпрямился. Он должен был закончить это до того, как из ближайшего дома кто-нибудь решит проверить, почему кричала женщина. Оружие уже находилось у него в руке, она сидела на земле. Можно было сделать всё быстро, без лишней боли. Он делал это раньше. Денибал у ворот знал об этом и успел сказать Еве достаточно, чтобы она теперь отодвигалась от клинка.

Верон посмотрел на тело и ощутил желание поднять ублюдка, привести в чувство и убить ещё раз, гораздо медленнее. Тот успел его прочитать.

В кафе можно было просто дожидаться, когда цель останется одна. В кино — сесть у выхода и следить за проходом. Вместо этого Верон выбрал место, с которого видел девушку, её голое плечо над чёрным топом, красные волосы, лежавшие на спинке кресла.

У неё оказался заразительный смех. В начале фильма она смеялась открыто, запрокидывая голову, и Верон дважды ловил себя на том, что смотрит на неё, пропустив движение цели.

Потом денибал поцеловал её. Она сама повернулась к нему, и по тому, как задержалась рядом, было ясно: ждала этого. Верон захотел убрать его руку с её затылка. Именно тогда стоило признать, что с наблюдением что-то не так.

Он знал о трёх жертвах этой твари и подозревал ещё несколько. Два дня следил за ней, пытаясь выйти на место, где оставляли тела. Одинокая женщина рядом с целью была ожидаема. Она могла привести его туда, куда сам денибал без добычи не пошёл бы.

Верон позволил им уйти из кинотеатра, свернуть на тихую улицу. А когда услышал её крик, бросился в проход раньше, чем успел решить, что теперь делать с охотой. Ублюдок заметил всё остальное сам.

Девушка потянула сумку к себе — осторожно, почти не двигая повреждённой рукой. Верон снова посмотрел на неё. Кровь текла по пальцам и впитывалась в ткань чёрных джинсов. На щеке оставался след чужой ладони. Из-под разорванного рукава виднелась светлая кожа, уже начинавшая припухать возле укуса.

Её красота сейчас была совершенно некстати. Он заметил и это, разозлившись на себя ещё сильнее.

— Встань.

Она упёрлась здоровой ладонью в землю, но вместо того, чтобы подняться, отодвинулась к стене.

— Зачем?

Верон сжал рукоять. Она посмотрела на клинок, потом на его лицо, и он увидел, как она поняла.

— Нет.

Произнесла тихо, сначала даже без уверенности, что правильно разобралась. Верон молчал.

— Я никому не скажу. — Она заговорила быстрее. — Про него. Я скажу, что он напал и вы... Вы же меня спасли.

Он не стал объяснять, что дело не в свидетелях. Через пять дней ей понадобится человеческая плоть. Она будет помнить сегодняшний вечер, свою работу, людей, к которым захочет вернуться. Возможно, даже попытается жить как прежде — до первого голода.

Он видел женщину, которая трое суток запирала себя в ванной, чтобы не подходить к ребёнку. К моменту, когда её нашли, дверь была выломана изнутри. Эта девушка не знала, от чего он собирался её избавить.

Верон поднял оружие, и она резко выставила перед собой здоровую руку.

— Подожди!

Он остановился. Свет из окна над проходом ложился ей на лицо. Она смотрела прямо на него, не закрываясь, хотя пальцы дрожали так сильно, что это было видно даже с двух шагов.

— У меня есть деньги. Немного, но есть. Я отдам. Телефон заberi, только...

Она сглотнула, а Верон продолжал стоять неподвижно. Нужно было сделать это до того, как она начала торговаться. Он знал. Всегда знал.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я хочу домой.

Он опустил мачете.

Девушка не пошевелилась, и Верон отвернулся первым. За обращёнными приходила стая. Эдриан два дня водил его по городу, так и не показав остальных; теперь можно было заставить их выйти самим. Удержать укушенную пять суток, дожидаться обращения и взять всех, кто придёт за ней.

Он посмотрел на её раненую руку, прикидывая, выдержит ли она дорогу. В лесном доме был подвал, подходы к участку он знал. Другие охотники уже пользовались такой приманкой. Сам Верон прежде не видел смысла тратить на это время, но сейчас начинал находить в плане всё больше преимуществ.

Оружие он опустил раньше, чем вспомнил о стае. Эту подробность можно было пока оставить при себе.

— Прижимай рану, — сказал он. — Сильнее.

Снял куртку, положил на землю так, чтобы девушка видела, куда делось оружие, и стянул с себя чёрную футболку. На холоде кожа сразу покрылась мурашками. Она смотрела, как он складывает ткань, но, когда он снова опустился перед ней, отшатнулась.

— Не трогай меня.

— Ты кровью истекаешь.

— Тогда вызови скорую!

— Дай руку.

Он дождался, пока она сама протянет её. Обмотал предплечье, прижал ткань к ране. Девушка зажмурилась, шумно втягивая воздух носом, но больше не пыталась отстраниться.

Верон застегнул куртку на голом теле, убрал мачете в ножны под её полую и поднял с земли сумку.

— Как тебя зовут?

Она замешкалась.

— Ева.

Ему не следовало спрашивать.

— Встать можешь, Ева?

— Ты меня отпустишь?

Он протянул ей руку, но она не взяла. С улицы донёсся звук приближающегося двигателя. Ева повернула голову, явно собираясь крикнуть, и Верон присел рядом.

— Посмотри на меня.

Она продолжала смотреть на выход.

— Я могу унести тебя отсюда. Могу дать дойти самой. Выбирай.

Ева медленно повернулась к нему.

— Ты больной?

— Вставай.

Она поднялась без его помощи, держась спиной за стену. Верон придержал её за локоть, когда она покачнулась, но она немедленно вырвала руку. Хорошо, на ногах держалась.

Теперь следовало довести её до машины и сообщить о теле тем, кто заберёт его из прохода. Верон оттащил мёртвого денибала за створку ворот и пошёл следом за Евой. Звонить при ней он не собирался.

Сбежать она попробовала у машины. Верон успел открыть пассажирскую дверь и положить сумку на сиденье. Ева дождалась, пока он наклонится, и бросилась вдоль тротуара к освещённому перекрёстку.

Он догнал её на четвёртом шаге. Она билась у него в руках молча, с такой решимостью, что пришлось прижать её здоровое запястье к боку и удерживать, пока она не перестала пытаться ударить его затылком. Повязка потемнела.

— Ещё раз дёрнешься — рана откроется сильнее.

— Да пошёл ты.

Верон чуть ослабил хватку, и она немедленно попыталась вывернуться. Он выругался и посадил её в машину. Ева потянулась через водительское место к другой двери, но он поймал её за пояс прежде, чем она добралась до ручки.

Наручники лежали в отсеке под сиденьем. Когда металл щёлкнул на её здоровом запястье, она замерла. Второй браслет он закрепил на стальной скобе, привинченной к основанию пассажирского сиденья.

Ева опустила взгляд, потом посмотрела на него.

— У тебя это специально здесь?

Он проверил, не слишком ли туго затянут браслет, и она ударила его коленом в грудь. Верон перехватил её ногу, поставил ступню обратно на коврик и наклонился ближе.

— Раненую руку держи выше. И перестань со мной драться.

На расстоянии нескольких сантиметров он видел мелкую дрожь её губ. Она отвернула лицо, когда он потянулся за ремнём безопасности. Он застегнул ремень и отступил.

Ева сидела, вжавшись в спинку. Её волосы зацепились за пряжку; Верон осторожно освободил прядь, и она вздрогнула от этого прикосновения сильнее, чем от наручников. Он убрал руку и, ничего не сказав, обошёл машину, сел за руль и включил отопление.

Некоторое время она молчала. Он уже вырулил со стоянки, когда Ева спросила:

— Куда ты меня везёшь?

— Ко мне.

Она повернулась к нему всем телом, насколько позволял ремень.

— Нет. Отвези меня в больницу. Пожалуйста. Я не буду говорить, что ты сделал. Мне всё равно.

— В больнице тебе не помогут.

— От укуса? Ты серьёзно?

Верон посмотрел на дорогу. Рано или поздно пришлось бы сказать.

— Он был денибалом.

— Кем?

— Тем, что ты увидела в проходе.

— Я видела человека.

— И зубы ты тоже видела.

Она замолчала. Верон дождался, пока останется позади перекрёсток.

— Через пять дней после укуса люди становятся такими же.

Ева долго смотрела на него. Он чувствовал этот взгляд и не поворачивал головы.

— Ты ведь в это веришь, — произнесла она наконец.

— Да.

— Поэтому ты хотел...

Верон остановился на красный. Теперь можно было посмотреть на неё.

Ева сидела бледная, со сбившимися волосами и его окровавленной футболкой на руке.

Несколько часов назад она ела сэндвич за стеклом кафе и смеялась, отодвинув пустую тарелку.

Он помнил, как Эдриан подался к ней через стол и как охотно она приблизилась в ответ.

— Укушенных убивают до обращения, — сказал Верон.

Она медленно потянула скованную руку к себе. Цепочка натянулась.

— А ты?

Позади коротко посигналили. Верон перевёл взгляд на загоревшийся зелёный, тронул машину.

— Я подожду.

Глава 2

Когда машина свернула с шоссе, Ева начала считать повороты. Первые три она запомнила: направо, потом налево, ещё раз направо у покосившегося дорожного знака. Дальше дорога пошла между деревьями, и считать стало нечего. В свете фар появлялись мокрые стволы, кусты вдоль обочины, глубокие колеи. Ева пыталась разглядеть хотя бы один огонёк за лесом, но видела только своё отражение в боковом стекле. Под глазом размазалась тушь. Волосы слиплись у виска, а на ворота осталась кровь, которую она боялась трогать.

Правое запястье ныло под наручником. Она осторожно повернула кисть, проверяя, нельзя ли высвободить большой палец. Металл впился в кожу.

— Не снимешь, — сказал Верон, не отрывая взгляда от дороги.

Ева перестала двигать рукой. Ей хотелось снова потребовать, чтобы он отвёз её домой. В городе он ответил, что везёт к себе; теперь она видела, насколько далеко это «к себе» находилось от людей. Она посмотрела на дверную ручку. Даже если сумеет открыть дверь, цепочка удержит её возле сиденья. На скорости это закончится сломанной рукой.

Верон сбавил ход перед низким забором. За ним стоял одноэтажный деревянный дом с узким крыльцом; справа темнели ворота гаража, под навесом были сложены дрова. Ни соседних участков, ни уличных фонарей. Ева приподнялась, стараясь увидеть продолжение дороги, и поняла, что та заканчивалась здесь.

Двигатель заглох. Несколько секунд Верон сидел неподвижно, прислушиваясь, потом вынул ключ из замка зажигания.

— Я хочу домой, — сказала она.

Он посмотрел на неё. В салоне было темно, и Ева различала только край скулы, порез на лице и светлые глаза.

— Я услышал ещё в городе.

— Тогда отвези меня обратно.

Верон вышел. Холодный воздух проник в салон, пока он обходил машину, и Ева дёрнула цепочку прежде, чем успела удержаться. Замок не поддался.

Дверь рядом с ней открылась. Он наклонился, отпер наручник и поймал её правую руку, когда она попыталась ударить его в лицо. Вывернул кисть ровно настолько, чтобы Ева перестала сопротивляться, и заставил выбраться наружу.

— Ещё раз так сделаешь — зайдёшь в дом в них.

Она согнулась, прижимая к себе укушенное предплечье. После тепла машины её затрясло. Верон отпустил кисть, взял из салона её сумку и указал на крыльцо.

Ева не двигалась. До забора было недалеко. За ним начинался лес, а дорога, по которой они приехали, оставалась у него за спиной. Она посмотрела на его ботинки, длинные ноги, мачете у бедра и ненавидела себя за то, что рассчитывает расстояние, уже понимая результат.

— Иди.

На этот раз она пошла. В доме Верон включил свет и закрыл за ними дверь. Ключ убрал в карман. Ева услышала щелчок замка, хотя смотрела совсем в другую сторону.

Вдоль стены стоял рабочий стол. На нём лежал разобранный пистолет, ветошь, несколько металлических коробок. Над столом висели ножи в ножнах; у высокого шкафа с замком были прислонены два длинных чехла. На спинке стула сохла куртка с разрезом поперёк рукава.

Она остановилась у порога. В подворотне у него было одно оружие. Здесь оказалось достаточно, чтобы понять: он занимался этим постоянно. Возвращался домой, снимал куртку, чистил то, чем только что убивал.

За рабочим столом начиналась обычная комната: продавленный диван, кресло, печь, полка с книгами. Кухня отделялась от неё стойкой. В мойке стояла чашка, на подоконнике лежала начатая пачка сигарет. Ева почему-то уставилась на чашку.

— Сюда, — сказал Верон.

Он положил её сумку на кухонный стол, достал телефон. Ева шагнула к нему.

— Не трогай.

Он поднял телефон выше, пока она тянулась за ним, и выключил.

— Завтра разберёшься со звонками.

Он убрал телефон в верхний шкафчик. Ева посмотрела на сумку, но Верон уже вынул оттуда ключи и положил рядом со своими.

— Ты не имеешь права...

— Сядь.

Он произнёс это негромко, и она всё равно отступила. Верон снял куртку и повесил её на спинку стула. Ева отвернулась от его обнажённой груди: разглядывать его после того, что произошло, было унижительно. Он достал с полки чистую чёрную футболку с длинными рукавами, надел и закатал их до локтей, прежде чем вынуть из нижнего шкафа большую пластиковую коробку.

— Руку на стол.

— Мне нужен врач.

— Сначала снимем то, что промокло.

Она посмотрела на пропитавшуюся кровью ткань. Её мутило от одного вида, но позволить ему снова прикоснуться было почти так же страшно. Верон подождал несколько секунд, затем взял ножницы.

— Можешь сидеть спокойно. Можешь драться. Во втором случае будет больнее.

Ева положила руку на стол. Он разрезал повязку, придерживая ткань подальше от кожи. Она отвернулась к окну, за которым отражалась кухня: два стула, яркая лампа, мужчина, склонившийся над её рукой. Со стороны можно было принять их за людей, вернувшихся после какой-нибудь неприятности и теперь разбирающихся с последствиями.

— Что он такое? — спросила она.

Верон поднял глаза.

— Ты назвал его... Я не запомнила.

— Денибал.

Слово ничего ей не объясняло.

— Он был человеком?

— Был. До укуса.

Эдриан рассказывал о школе, о преподавателе, который ненавидел его за рисунки на полях. Показывал фотографию собаки, жившей у родителей. Ева пыталась вспомнить хоть одну деталь, которая теперь выдала бы его, но вспоминала только то, как он смеялся, когда она перепутала имена двух актёров.

Верон снял последний прилипший край ткани. Ева втянула воздух и посмотрела на рану раньше, чем успела решить, хочет ли её видеть. Следы зубов располагались слишком чётко. Она могла восстановить положение его рта на своей руке.

— После укуса заражённый обращается, — продолжил Верон. — Пять суток от момента укуса. Время я запомнил.

— Во что?

— В того, с кем ты сегодня ходила в кино.

— Эдриан рассказывал о школе, о родителях. Мы несколько недель...

Она замолчала. Ей хотелось объяснить, что Эдриан не выглядел опасным. Что она не пошла бы с ним, если бы заметила хоть что-нибудь. Но Верон видел их вместе и, наверное, уже сделал все выводы.

— Из квартиры по соседству они тоже выходят каждое утро, — сказал Верон. — Ездят на работу, возвращаются к семье. Это ничего не доказывает.

Он промокнул кожу вокруг укуса. Ева сжала край стола правой рукой: ей вспомнилось, как Эдриан отказался от еды в кафе. Тогда она шутила, что ему придётся смотреть, как ест она.

— Они едят людей?

— Да.

Ева смотрела на него, ожидая продолжения. Он сменил салфетку; на чистой сразу выступила кровь.

— От обычного укуса такого не бывает, — сказала она. — Что он со мной сделал?

— Заражение меняет человека. В нём появляется демоническая природа, а вместе с ней голод. Как это началось, я не знаю. Знаю, чем они становятся.

Ева поднесла здоровую руку ко рту, но вовремя остановилась: пальцы были грязными.

Верон взял чистую повязку. Пока он расправлял её, Ева смотрела на свои колени. На джинсах засохла кровь. Она помнила, как выбирала их утром, стоя перед зеркалом, и как переделась, потому что первые показались слишком тесными. Ей хотелось вернуться к той глупой, ничем не примечательной минуте и остаться дома.

— Я забуду, кто я?

Верон провёл бинт под её предплечьем.

— Имя, адрес, людей будешь помнить. Всё, что умеешь, останется с тобой. Это не мешает им убивать.

— Значит, они могут выбирать.

Верон провёл бинт под её предплечьем.

— Эдриан выбрал. Ты видела.

— Я спрашиваю не про него.

Он посмотрел ей в лицо, и Ева пожалела, что произнесла это. Ей вовсе не хотелось обсуждать, сколько в ней останется человека, когда она начнёт смотреть на других так, как Эдриан смотрел на неё в подворотне.

— Сначала голод сильнее всего, — сказал Верон. — Потом учатся с ним жить. Прятать то, что ты видела у него. Понимать, когда нужно уйти от людей, пока ещё получается выглядеть человеком.

— А до этого? За эти пять дней?

— Большую часть времени ничего. Ближе к концу бывает жар. Запахи чувствуются сильнее. Усиливается голод, другие желания тоже. Если заметишь что-то подобное, скажешь мне.

Ева посмотрела на мачете, которое он оставил возле рабочего стола.

— Чтобы ты успел?

Верон проследил за её взглядом.

— Чтобы я знал.

Ответ ей не понравился. Он закрепил повязку и отпустил руку. Ева подтянула её к себе, бережно придерживая снизу.

— Почему ты меня привёз?

— Здесь я могу за тобой наблюдать.

— В больнице тоже могут.

— В больнице не знают, чего ждать.

— А ты знаешь всё?

— Достаточно, чтобы не везти тебя в переполненную приёмную.

Он закрыл коробку. Ева увидела, что на его большом пальце осталась её кровь.

— Ты собираешься меня убить.

Верон положил ножницы поверх крышки.

— Если обратишься.

Она ухватила за это слово так быстро, что сама услышала, как изменился её голос:

— Если?

Он посмотрел ей в лицо.

— У тебя есть шанс.

Ева боялась пошевелиться. Ещё секунду назад она сидела в чужой кухне и слушала, какой станет перед смертью. Теперь он говорил, что этого может не случиться.

— Насколько большой?

— Обещать ничего не буду.

Она опустила взгляд на руку. Укус никуда не исчез. Дом оставался заперт, телефон лежал в шкафу. И всё же ей хотелось заставить его повторить.

— Но если ничего не произойдёт, ты меняпустишь?

— Да.

Ева провела языком по пересохшим губам. Ей нельзя было верить ему только потому, что он сказал то, что хотелось услышать. Она понимала это и всё равно уже считала дни.

Верон поднялся за водой. Когда он вернулся, Ева приняла стакан здоровой рукой.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Шестнадцать лет занимаюсь.

Ева посмотрела на него внимательнее. Он выглядел молодым для такого срока: ни седины в тёмных волосах, ни глубоких морщин. Только у глаз кожа собиралась складками, когда он щурился.

— Ты с какого возраста начал?

— С шестнадцати. Сейчас мне тридцать два, если это следующий вопрос.

Она поставила стакан.

— Я пытаюсь понять, кто ты.

— На сегодня хватит.

Он убрал со стола окровавленную ткань и отодвинул её сумку.

— Теперь слушай. По дому ходишь свободно. Оружие не трогаешь. На улицу без меня не выходишь. Если снова попробуешь ударить или сбежать, свяжу.

Она посмотрела на входную дверь.

— А если я не согласна?

Верон достал наручники и положил на стол возле её стакана. Ева долго смотрела на них. На одном браслете остался красноватый след от её запястья.

— Я не буду убегать.

Он забрал наручники.

— Ванная по коридору. Чистое полотенце в шкафу. Повязку не мочи.

Верон дождался, пока щёлкнет задвижка в ванной, и отправил сообщение с адресом прохода, где оставил Эдриана. Ответ пришёл почти сразу: тело заберут. Он вернулся к рабочему столу, положил мачете на ветошь, но чистить не начал. Вспомнил, как быстро Ева подалась к нему, услышав слово «шанс». Поверила не до конца; этого и не требовалось. Теперь у неё была причина оставаться здесь помимо запертой двери и наручников.

За шестнадцать лет он не видел ни одного укушенного, который остался бы человеком. К исходу пятых суток после укуса Ева обратится. Обычно Верон заканчивал дело там, где находил заражённого, а теперь пришлось достать чистую одежду, перевязать рану и запереть входную дверь. На ближайшие дни он оказался привязан к дому.

После обращения стая почувствует её. Переданная укусом связь сохранится и после смерти Эдриана; новорождённая будет принадлежать тем же денибалам. Они придут забрать

её, как приходили за другими. Оставалось подготовиться, пока Ева сидела в ванной и пыталась решить, верить ли ему.

Дом стоял достаточно далеко от дороги, чтобы сюда не забрёл случайный человек. Сзади подход сужался между старой канавой и плотным ельником, гараж прикрывал одну сторону двора. Если заранее выбрать позиции и не позволить стае окружить дом, можно было закончить здесь работу, на которую в городе ушли бы месяцы. Он не знал, сколько их будет, но ради нескольких целей сразу стоило потерпеть вопросы и необходимость лгать Еве в лицо.

Верон провёл ветошью вдоль клинка. Подвал нужно было проверить сегодня же: пока Ева ещё человек, её удержит обычная дверь, после обращения этого может оказаться мало. Из ванной донёсся шум воды, и он вспомнил её в кинотеатре — как она наклонялась к Эдриану, убирая волосы за ухо. Он заметил это ещё до укуса, когда не существовало никакой приманки и никакого плана на стаю.

Ветошь зацепилась за выступ у рукояти. Верон дёрнул её и отбросил на стол. Ему хотелось вернуться на кухню и застать Еву там, без крови на одежде и чужого имени в разговоре. До проверки подвала он так и не дошёл: из ванной раздался грохот. Вода продолжала литься, но больше ничего не было слышно.

— Ева?

Ответа не последовало. Он подошёл к двери и нажал на ручку.

— Открой.

За дверью что-то скребнуло по полу. Верон отступил и ударил плечом возле замка. Старая коробка выдержала первый удар, на втором крепление вырвало вместе с куском дерева.

Ева увидела его сквозь мокрые волосы и попыталась отползти. Ноги не слушались. Она сидела на дне душевой, прижав колени к груди; вода из упавшей лейки била в стенку возле бедра. Сердце колотилось так быстро, что она не могла различить отдельные удары. Ещё минуту назад ей казалось, что нужно глубже вдохнуть, и всё пройдёт. Теперь не получалось даже сказать, чтобы он не подходил.

Верон перекрыл воду и снял полотенце с крючка.

— Поднимайся.

Ева замотала головой. Он выругался, развернул полотенце и накинул ей на плечи. Она вцепилась в края, но пальцы плохо сгибались. Верон помог ей выбраться из душевой и усадил на закрытую крышку унитаза.

— Не надо...

Он присел перед ней.

— Что не надо?

Ева смотрела на его руки. В ванной оружия у него не было, но оно осталось в комнате, совсем близко. Он мог вернуться за ним, пока она пыталась подняться.

— Ты сказал... пять дней.

Он нахмурился, и она крепче сжала полотенце.

— У меня руки... Я их почти не чувствую. И сердце...

— Ты думаешь, началось обращение?

Она кивнула. Произнести это самой было страшнее. Верон коротко выругался.

— Нет. Это паника.

Ева попыталась вдохнуть глубже, но опять не получилось. Он мог ошибаться. Мог говорить так, чтобы она успокоилась и не сопротивлялась, когда он встанет.

— Я не могу дышать.

— Можешь. Только часто. Смотри на меня.

Она подняла глаза. Верон сидел близко, упершись предплечьями в колени. На лице оставался порез, волосы упали вперёд, но он даже не убрал их.

— Выдыхай понемногу. Не торопись.

Ева попробовала. На середине выдоха снова судорожно вдохнула и схватилась за его рукав.

— Не получается.

— С первого раза не получилось. Сиди.

Он не вставал. Ева следила за ним, пока вода с волос стекала под полотенце, и пыталась выдыхать медленнее. Получалось плохо, но через некоторое время она заметила, что уже может произнести несколько слов подряд.

— У меня такого не было.

— Теперь было.

— Откуда ты знаешь, что это не...

— Я видел обращение. Это не оно.

Верон ответил резко, с такой уверенностью, что она на несколько секунд перестала прислушиваться к сердцу. Ей хотелось верить именно этому человеку, хотя ещё недавно она боялась, что он убьёт её прямо в подворотне.

— А пальцы?

— От дыхания тоже может быть. Сейчас отпускает?

Ева осторожно пошевелила ими. Покалывание оставалось, но уже не такое сильное.

— Немного.

— Вот и сиди. Подниматься пока не надо.

Она опустила голову. Теперь, когда страх немного отступил, стало заметно, насколько сильно её трясёт. В душе она закрыла глаза, смывая с шеи чужую кровь и стараясь держать перевязанную руку подальше от струи, и вспомнила, как Эдриан прижимал её к стене. После этого началось всё остальное. Ей казалось, что она справилась с тем, что произошло в подворотне, раз сумела разговаривать, спорить с Вероном, даже попытаться его ударить. Оказалось, достаточно воды на лице и закрытых глаз.

Верон посмотрел на руку, сжимавшую рукав.

— За водой схожу.

Ева удержала его раньше, чем успела подумать. Он замер, затем перевёл взгляд на её лицо.

— Я не уйду из дома.

Она понимала, насколько нелепо выглядела. Просила остаться мужчину, от которого собиралась сбежать, и не могла даже объяснить почему.

— Подожди немного.

Верон остался на месте. Когда она наконец разжала пальцы, он поднялся и вышел. Ева успела испугаться, что он всё-таки пошёл за оружием, прежде чем он вернулся с футболкой и стаканом воды.

— Одевайся. Комната напротив.

— А если снова начнётся?

— Позовёшь. Я услышу.

Она покосилась на разбитую дверь.

— Это я уже поняла.

Он едва заметно усмехнулся.

— И ещё. Если тебе плохо, говоришь сразу. Не сидишь молча и не решаешь сама, во что превращаешься.

Ева стиснула футболку.

— Я думала, ты меня убьёшь.

Усмешка исчезла.

— Из-за паники — нет.

— Я же не знала, что это она.

— Теперь знаешь.

Он вышел, а Ева придвинула к испорченной двери корзину для белья.

В комнате напротив стояла узкая кровать, шкаф и тумбочка с лампой. Верон принёс её сумку без телефона и ключей, положил на стул и показал, где включается свет.

— Ложись.

Ева сидела на краю кровати в его футболке. Её одежда лежала рядом, куртка свисала со спинки стула. После душа она чувствовала себя чище, но всякий раз, когда закрывала глаза, снова видела подворотню. Верон задержался у двери.

— Ты меня слышала?

— Да.

Он ушёл, оставив дверь приоткрытой. Ева дождалась, пока его шаги стихнут. Потом ещё немного посидела, глядя на полоску света из коридора. В ванной ей хотелось, чтобы он не отходил. Здесь, в сухой одежде, эта потребность пугала почти так же сильно, как сам Верон. Она не могла остаться только потому, что он умел говорить уверенно, когда ей было плохо.

Дома остались вещи, на работу утром начнут звонить. Можно было обратиться к Леону, добраться до больницы, рассказать об укусе и о том, что она видела. Пусть Верон считает всех остальных идиотами — ей хватит одного человека, который выслушает. Пять дней, проведённых здесь, означали, что решение будет принимать только он.

Ева посмотрела на окно. За ним виднелись кусты у стены и низкий забор. До земли было невысоко. Она ещё раз прислушалась, затем надела джинсы и куртку, осторожно протянув большую руку в рукав. Обувь поставила возле подоконника, чтобы сначала открыть створку.

Рама поддалась с тихим треском. Ева замерла, но из коридора не донеслось ни звука. Она успела перекинуть ногу наружу, когда дверь открылась. Верон стоял на пороге.

— Слезай.

Ева сжала пальцами раму. Он посмотрел на обувь у стены, затем на неё.

— Мы договорились.

— Ты пригрозил мне наручниками.

Он пошёл к ней. Ева перенесла вес на подоконник, вытянула вторую ногу наружу и прыгнула, не успев забрать обувь. Земля ударила по ступням. Она пошатнулась, удержалась здоровой рукой за стену и побежала к забору.

Взбираться на мокрую перекладину оказалось трудно. Больная рука подвела, джинсы зацепились за торчащий край доски. Ева рванулась, услышала треск ткани и перевалилась на другую сторону, упав на колени.

За домом хлопнула дверь. Она поднялась и двинулась вдоль дороги. Под босыми ногами хрустел мелкий гравий. Ева старалась наступать на траву у обочины и не оглядываться, пока за спиной не скрипнула калитка. Верон вышел на дорогу. Он успел надеть куртку и теперь стоял возле забора, не пытаясь сразу её схватить.

— Вернись.

Ева попятилась.

— Не подходи.

Он посмотрел на её босые ноги.

— Далеко не уйдёшь.

— Это не твоё дело.

Она ждала, что он бросится к ней, и заранее искала, куда свернуть. До деревьев справа было несколько шагов. Машина там не проедет. В темноте можно спрятаться, переждать, пока он уйдёт в другую сторону. Верон заметил, куда она смотрит.

— Хочешь попробовать?

— Отстань от меня.

Он медленно пошёл вперёд. Ева отступила ещё на шаг. Гравий больно вдавился в пятку.

— Тогда беги, Ева.

Она смотрела ему в лицо, не понимая, почему он позволяет ей выбирать направление. Верон чуть усмехнулся.

— Я люблю охоту.

Ева развернулась и побежала. Первые несколько метров она слышала только собственные шаги. Потом свернула между деревьями, выставив здоровую руку перед лицом. Ветки цепляли волосы и куртку. Под ногами стало мягче, но каждый корень приходилось угадывать, и она дважды едва не упала.

Нужно было уйти с прямой. Он ожидал, что она побежит от дома; значит, нужно свернуть, дать ему пройти, вернуться на дорогу позади него. Ева забралась за поваленный ствол и присела в мокрую траву. Прижала больную руку к животу и попыталась дышать тише.

Верон не звал её. Это было хуже криков. Она слышала, как он идёт, как хрустит ветка под ботинком, потом всё стихло. Ева смотрела в ту сторону, откуда донёсся последний звук, и не могла понять, стоит он там или уже обошёл её. Волосы прилипли к губам. Она убрала их, не отрывая взгляда от деревьев.

— Ты громко дышишь.

Голос раздался справа, совсем близко. Ева вскочила, зацепилась джинсами за обломанный сук и рванула ткань, высвобождаясь. Что-то острое вошло в пятку. Боль отдала до колена, но она всё равно сделала ещё несколько шагов.

Он поймал её за куртку и рывком развернул к себе. Ева ударилась спиной о ствол, прежде чем успела поднять руку; его ладонь уже лежала на её горле. Верон не сдавливал шею, но держал так, что повернуться не получалось. Большой палец упирался под челюсть; второй рукой он прижал её здоровое запястье к коре.

Ева чувствовала дерево затылком и не могла отвести глаз от его лица. Он дышал чаще обычного. Она же едва успевала набирать воздух.

— Пусти.

Верон посмотрел ей в глаза. В темноте зрачки казались огромными, почти скрывали светлую радужку. На его лице не было злости, которой она ждала. Он поймал её и не спешил отводить от дерева. От этого стало страшнее. Он наклонился к её уху.

— Хватит от меня бежать.

Ева дёрнула запястье. Верон удержал его без заметного усилия.

— Никуда ты сейчас не уйдёшь, — произнёс он так же тихо. — Беги сколько хочешь. Я всё равно догоню.

Он отстранился ровно настолько, чтобы увидеть её лицо. Ева ненавидела его за спокойствие, за то, что он мог позволить себе эту погоню, пока она всерьёз пыталась спастись.

— Тебе нравится?

Усмешка появилась не сразу.

— Я предупреждал.

— Пусти руку.

Он перевёл взгляд на её запястье и разжал пальцы. Ладонь с шеи перенёс на плечо, не давая отойти. Ева прижала освобождённую руку к груди. Хотелось ударить его, но она помнила, как быстро это закончилось возле машины.

Верон посмотрел вниз.

— На ногу встань.

— Убери руки.

Он отпустил. Ева перенесла вес на пятку и не удержалась от болезненного вдоха. Верон поймал её за локоть.

— Порезалась.

Не отвечая, она повернулась к дороге, пытаясь понять, в какой стороне остался дом. Между деревьями всё выглядело одинаково. Он подхватил её под коленями и поднял. Ева ударила его здоровой рукой в плечо. Верон остановился.

— Продолжишь — сначала застегну наручники.

Она смотрела ему в лицо, тяжело дыша. Отсюда порез на щеке был совсем близко. Хотелось сделать хоть что-нибудь, от чего он тоже поморщится. Но он уже держал её. Ева отвернулась.

— Я тебе ничего не сделала.

Он поправил руку под её коленями.

— Знаю.

На кухне Верон усадил её на стул и запер дверь. Ева смотрела, как он убирает ключ, потом молча вытянула ногу, когда он потребовал. В пятку вошёл острый камешек. Верон извлёк его, очистил порез и наложил повязку. Она ни разу не попросила осторожнее. Держалась за сиденье и следила за каждым его движением.

Повязку на предплечье тоже пришлось сменить: после побега на ней проступила кровь. Куртку Ева сняла сама, но высвободить больную руку без его помощи не получилось. Он стянул рукав, осмотрел рану и снова принялся за бинт. Ей надоело смотреть на его склонённую голову, на длинные пальцы, которые одинаково уверенно держали ножницы и её горло. Хотелось, чтобы он перестал прикасаться, хотя бы на несколько минут оставил её в покое.

Когда Верон закончил, она потянулась к стакану, но он перехватил её здоровое запястье. Ева увидела наручники и отшатнулась вместе со стулом, но первый браслет уже щёлкнул. Она вцепилась в него пальцами левой руки, тут же отпустив от боли.

— Не надо.

Верон проверил, не давит ли металл на кожу.

— Я сказал, что будет, если убежишь.

Второй браслет он застегнул на собственном левом запястье. Ева перестала тянуть руку. Несколько секунд она смотрела на короткую цепочку между ними, ожидая, что он объяснит, сколько собирается держать её так. Верон правой рукой подвинул стакан, и только тогда она поняла, что для него всё уже решено.

— Ты издеваешься?

— Вставай.

— Куда?

— Спать.

Она осталась на стуле.

— Я с тобой не пойду.

Верон стоял рядом, не натягивая цепочку. Он мог поднять её за руку, и Ева ждала этого, но он просто смотрел сверху вниз.

— Тогда посидим, — сказал он. — Только долго ли ты выдержишь?

Ева опустила глаза. Ступня болела, в пояснице ныло после удара о дерево. От усталости начало подташнивать. Она пыталась придумать отказ, который заставил бы его что-то изменить, но в конце концов поднялась, придерживаясь за стол.

Верон пошёл медленно, позволяя ей шадить порезанную пятку. От этого она разозлилась ещё сильнее. Он сам заставил её идти, сам определял скорость и теперь мог выглядеть терпеливым.

В спальне было темно. Верон включил лампу возле широкой кровати. У стены стоял шкаф, на тумбочке лежали часы и закрытая книга. Ничего похожего на ножи в общей комнате Ева не увидела, но это не означало, что их здесь не было. Он подвёл её к кровати.

— Садись.

— Я могу спать в другой комнате.

— Уже попробовали.

Верон достал ключ от наручников. Ева выпрямилась, но он, отомкнув браслет на своём запястье, сразу закрепил его на металлической стойке изголовья.

— Переоденься, если хочешь. Я принесу одеяло.

Он вышел. Ева тут же потянула стойку. Та не поддавалась. Правая рука оставалась возле изголовья; снять футболку она бы не смогла, но и не собиралась. Расстегнуть джинсы левой рукой удалось со второй попытки.

Верон вернулся, когда она уже сидела под покрывалом, спрятав ноги. Джинсы лежали на полу. Он принёс второе одеяло и подушку. Ботинки снял у двери, куртку оставил там же. Ева смотрела, как он укладывает одеяло на свободную половину кровати, и пыталась придумать ещё хотя бы один довод.

— Ты правда думаешь, что я смогу выйти так тихо, что ты не услышишь?

— Проверять больше не хочу.

Он освободил наручник от стойки и снова застегнул на своей левой руке. Лёг справа от неё, оставшись в футболке и брюках, и положил соединённые руки между ними поверх одеяла. Ева устроилась на спине. Попытка отодвинуться закончилась натяжением цепочки. Она вернулась ближе и уставилась в потолок.

— Удобно тебе? — спросила она.

— Бывало лучше.

— Сними.

— Нет.

Ева повернула голову. Верон лежал с закрытыми глазами. Распущенные волосы касались подушки, несколько прядей остались у щеки. Сейчас она впервые могла рассмотреть его, не ожидая, что он сразу поймает её взгляд: прямые тёмные брови, неровность на переносице, резкий изгиб губ.

В другой вечер она бы заметила такого мужчину и, возможно, посмотрела бы второй раз. Теперь от этой мысли захотелось отвернуться. Красота никуда не делась после того, что он сделал, и Ева не знала, как перестать её замечать.

— Перестань смотреть, — сказал Верон, не открывая глаз.

— Тогда отвернись.

— Мне и так нормально.

Она уставилась в потолок. На стене возле лампы виднелась тонкая трещина. Ева проследила её от выключателя до края шкафа и попробовала представить, что находится у себя дома. Не получилось: при каждом движении правой руки звякала цепочка.

— Почему в шестнадцать?

Верон открыл глаза.

— Что?

— Ты сказал, что охотишься с шестнадцати. Почему начал?

Он некоторое время смотрел на неё. Ева уже приготовилась услышать, что ей пора замолчать.

— Брат был укушен.

Она перестала перебирать край одеяла. Верон перевёл взгляд на потолок.

— Старший. На три года.

В комнате было слышно, как гудит лампа. Ева подумала о девятнадцатилетнем парне, который однажды пришёл домой с такой же раной, как у неё.

— Он знал, что с ним?

— Сначала нет.

Она посмотрела на собственное предплечье поверх одеяла. Вопрос о том, что случилось дальше, задавать не хотелось. Но она уже знала достаточно, чтобы молчание стало хуже ответа.

— А потом?

Верон провёл свободной рукой по лицу.

— Потом прошло пять дней.

Он говорил ровно. Ева видела, что продолжать он не хочет, и всё же не смогла оставить этот разговор.

— Ты был рядом?

— Да.

— Когда он...

— Я его убил, Ева.

Она замолчала. Верон лежал рядом, их запястья соединяла короткая цепочка. Ещё несколько минут назад она считала это самым страшным, что могло случиться этой ночью.

— После обращения? — спросила она.

— После.

Ей хотелось спросить, узнал ли брат Верона, сказал ли что-нибудь. Пришлось ли Верону удерживать его так же, как сегодня удерживал её. Ни один из этих вопросов она не сумела произнести. В шестнадцать лет он уже знал, каково это — убить человека, с которым вырос.

— Мне жаль.

Верон повернул голову. Посмотрел ей в лицо, и Ева пожалела, что не нашла других слов. Но объяснять, что именно ей жаль, было бы ещё хуже.

— Спи, Ева.

Он потянулся правой рукой к лампе.

— Оставь свет в коридоре.

Верон задержался, затем опустил руку. Лампа осталась гореть. Ева не стала уточнять. Она осторожно легла на левый бок, устроив раненое предплечье перед собой. Правую руку пришлось оставить позади, между ними. Цепочка натянулась, и Верон передвинул кисть, дав ей устроиться.

Она закрыла глаза. Он мог говорить правду о шансе. Мог знать то, чего не знал в шестнадцать. За столько лет что-нибудь наверняка изменилось. Ева повторяла это про себя, пока не поняла, что снова пытается убедить себя его словами.

Она не была его сестрой, другом или человеком, которого он знал много лет. Верон встретил её несколько часов назад. И всё-таки Ева повернулась обратно, чтобы видеть его лицо.

Верон дождался, пока её дыхание выровняется. Ева уснула ближе к краю своей подушки, оставив между ними столько места, сколько позволяли наручники. Даже во сне держала раненую руку возле себя. На правом запястье под металлом уже проступала красная полоса, и он повернул кисть, убирая натяжение. Ева шевельнулась, но не проснулась.

Можно было приковать её к кровати в другой комнате, запереть окно, убрать всё, чем она могла бы повредить себе или замок. Верон знал, как удерживать человека, и собственное запястье для этого не требов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.